

**«...имеет отношение к воспитанию души»
Над страницами «Трудов по китайской литературе»
акад. В. М. Алексеева**

И. С. Смирнов

Москва, Российский государственный гуманитарный университет

Предлагаемые заметки – не рецензия в собственном смысле слова и, в первую очередь, потому, что, как писал В. М. Алексеев о своих «Замечаниях на книгу-диссертацию Ю. К. Щуцкого», они «не могут идти нормально, т.е. как объемлющая линия к объемлемой». Поэтому перед читателем – скорее давно выношенные мысли о судьбе алексеевского научного наследия, его актуальной и потенциальной значимости для синологии, вместе с некоторыми соображениями, возникшими при чтении «Трудов по китайской литературе»¹.

* * * * *

Две нарядные книги в глянцевых суперобложках уже внешне выгодно отличаются от черного тома 1978 года с его желтой бумагой, нечетким шрифтом, перевернутыми иероглифами и прочими полиграфическими и издательскими огрехами. Но тогда, в 70-е, само появление «Китайской литературы» В. М. Алексеева знаменовало собой прорыв – наконец-то труды великого синоведа в излюбленной им области китаеведения были собраны под одним переплетом и пришли к читателю, многие впервые, иные, извлеченные из забытых сборников, тоже словно бы в первый раз. Впечатление от той книги было громадным. В. М. Алексеев предстал фигурой невероятного научного масштаба. На фоне навязшего в зубах советского мифотворчества из архивного забвения возник не миф, а могучий ученый-деятель и мыслитель, трудившийся с благородной самоотдачей вопреки неблагоприятным, мягко говоря, жизненным обстоятельствам, заушательской недобросовестной критике, исследователь, ясно видевший

¹ Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. В двух книгах. М., «Восточная литература», 2003 (далее при ссылке на это издание указываются книга и страница).

свою цель в создании научно обоснованной истории китайской литературы и неуклонно к этой цели шедший. Со страниц книги вставал человек великого таланта, знаток Востока, в равной степени чуждый восторженному ориентализму и снисходительному европоцентризму. Может быть, как немногие из современников и уж наверняка как мало кто из ученых следующих поколений, Алексеев воплощал идеал, который сам же и выразил формулой: «Счастлив тот, кто два мира в себе держит прочно». (Или еще определеннее: «Судить о великой культуре со школьными знаниями и мозгами нельзя. Прежде чем быть синологом, надо быть европеологом, т.е. иметь о европейской культуре как пункте для сравнений твердое понятие»².) Его, так называемые, «сравнительные этюды» суть не произвольные декларативные сопоставления, а глубоко продуманные, основанные на культурной типологии труды первооткрывателя, практически не получившие развития в отечественной китаистике. Ну, в самом деле, кто из наследовавших Алексееву в науке смог бы с такой же легкостью оперировать античными сюжетами, свободно рассуждать о «греческом логосе» или Горации? Да и «француз Буало» в оригинале давно уже редко кому из китаистов доступен... Между тем на Западе, где знание востоковедами греческого и латыни не такая редкость, как у нас, синологи широко практикуют сравнительные экскурсы в европейскую классику, и остается только пожалеть, что пионерские работы Алексеева не нашли продолжателей на родине ученого³.

Давно и резко размежевывались синологические специальности: на разных языках заговорили литературоведы и лингвисты, историки и искусствоведы, и уже, к сожалению, не приходится ждать от одного исследователя трудов по китайской грамматике и каллиграфии, конфуцианству, даосизму и буддизму, равно глубоких работ по истории, поэзии и прозе, поэтологии, подкрепленных обильными и непревзойденными по точности и художественности переводами. Наверное, наука от этого выиграла. Но стоит и пожалеть об утрате единого взгляда на культуру Китая, который был в полной мере присущ Алексееву и сообщал всем его работам, независимо от конкретной

² Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 305.

³ Широко известные работы Н. И. Конрада, собранные в книгу «Запад и Восток» (М., 1966), построены на совершенно иных, чем алексеевские, принципах; не случайно сам Н. И. Конрад никогда не указывал на В. М. Алексева как на своего предшественника в области сравнительных «восточно-западных» штудий.

темы и времени написания, отчетливую внутреннюю общность – в методе, терминологии, научных установках; потому и сборники его статей, не им и не по его плану составленные – и 1978 г., и нынешний, 2002-го – прочитываются как цельная научная монография, пронизанная «упорно-систематической мыслью» (слова В. М. Алексеева) со своим сюжетом, интригой, драматургией.

Сам ученый видел проблему, как всегда, четко и ясно, писал о ней без скидок на «злобу дня» и не заботясь о последствиях: «...Изучающий китайский культурный комплекс должен быть и историком, и социологом, и лингвистом, и теоретиком-литературоведом, и археологом, и искусствоведом, и вообще человеком, подготовленным к очень разносторонним разысканиям. Ясно, что каждый китаист, если только он не безнадежный дилетант, есть прежде всего зрелый продукт общественных и личных данных, определяющих его особые интересы и степень восприятия. При этом особая трудность нашего положения заключается в том, что, поневоле, отрывая себя из страха перед дилетантизмом – первым врагом всякой науки – от китайского культурного комплекса, мы в то же время от этого комплекса отойти не смеем ни на шаг. В самом деле, где найти такой китайский текст (конечно, из тех что заслуживают научного внимания), который в европейском исследовании и даже просто в переводе был бы доступен тем, кто только историк или только лингвист и т. д., неизвестным (и притом не поверхностно и не энциклопедически) с разными другими областями?»⁴

Замечательно, что пассаж этот – из статьи с вопиющим названием «Эволюция и революция китайского языка и китайской литературы, отраженные в революции Октября», казалось бы, и написанной, чтобы умирить агрессивных политневежд; год еще 1933-й, сравнительно безопасный для академической науки, но как из каждого слова буквально топорщится неуступчивость Алексеева, отказывающегося и пядь науки уступить ненавистным дилетантам, уже всю хозяйничавшим в Академии и учебных институтах. В предпосланной публикации этой статьи заметке «От составителя» (я еще скажу о значении этих заметок в контексте всего нового издания) с тонким пониманием сути проблемы дана цитата из более поздней, в куда более страшные (1937–1947) годы писавшейся статьи «Советская синология», где несломленный академик продолжает твердить свое «не

⁴ Алексеев, 2. С. 357.

могу иначе» и повторяет слово в слово сказанное в 1933: «...китайский культуро-комплекс во всех своих многообразных исторических и бытовых фазах, отложившихся и запечатленных в самом китайском языке, есть нечто столь специфическое, что даже для частичной операции с ним необходимо предварительное и целостное овладение им...»⁵.

Век энциклопедистов в синологии (последним, вероятно, и был сам В. М. Алексеев) безвозвратно миновал. Но этот факт вовсе не отменяет необходимости взгляда на китайскую культуру как на веками складывавшееся единство; сколь бы углубленным ни было любое частное исследование, его результаты без учета достижений в смежных областях китаеведения (пусть по работам коллег) будут безусловно неполными и, в конце концов, дефектными.

Из сегодняшнего дня более чем очевидно: почти ничто из опубликованного алексеевского наследия не было отменено в качестве научной ценности ни тремя десятилетиями, прошедшими к 1978 году со дня смерти ученого, ни уже и с тех пор протекшей четвертью века. Составители еще того, «черного» тома, всякий раз, когда такая возможность возникала, отмечали вышедшие работы отечественных синологов, сильно продвинувшие вперед отечественную науку, но заданная Алексеевым программа китаеведных исследований и по сей день остается далеко не осуществленной и, скорее всего, в ближайшей перспективе реализована не будет. Те «200 – 250 монографий», которые задумывались ученым и сохранились среди архивных залежей в разной степени готовности, – по-прежнему насущно необходимы науке.

Укажу самые зияющие лакуны.

Отсутствуют по-русски систематические исследования «Вэнь сюань» и «Вэнь синь дяо лун», хотя никому из китаистов не приходится объяснять их фундаментальную важность для нашей науки; только в 2001 г. появилась первая монография о танском поэте⁶, а давняя книга Е. А. Серебрякова о Лу Ю⁷ и сегодня остается единственным исследе-

⁵ Там же. С. 356; Наука о Востоке. С. 120.

⁶ Сторожук А. Г. Юань Чжэнь. Жизнь и творчество поэта эпохи Тан. СПб., «Кристалл». 2001.

⁷ Серебряков Е. А. Лу Ю. Жизнь и творчество. Л., 1973.

дованием творчества поэта династии Сун; о других, менее «поэтически значимых» эпохах говорить не приходится. И то сказать: какой вообще текст китайской традиции переведен и обследован с окончательной полнотой, хотя бы приближающейся к уровню алексеевской «Поэмы о поэте», какая работа может считаться ответом на призыв Алексева: «... начать научные исследования в области истории китайской литературы с монографии, исчерпывающей весь предмет»?⁸

Или возьмем самую, вероятно, благополучную сферу нашей китаеведной науки – переводы. Казалось бы, тут значимых лагун неизмеримо меньше, чем в исследовательской практике. Но едва мы обратимся к заповеданным В. М. Алексеевым переводческим установкам, как впечатление успешливости в деле перевода китайской классики рассеется, как дым.

До сих пор и в первом приближении не выработан тот особый язык, который, по мысли В. М. Алексева, должен в соответствующей пропорции «ответить» на «неслышимый» язык классической китайской литературы, а алексеевские в этой области находки, в лучшем случае, вызывают почтительное изумление их недостижимым уровнем, а потому не учитываются, в худшем – просто не учитываются. Вот несколько разительных примеров, тем более разительных, что взяты из лучших достижений нашей синологии.

Перевод на русский язык «Исторических записок» Сыма Цяня Р. В. Вяткиным (первые два тома – в соавторстве с В. С. Таскиным) можно без преувеличения считать научным подвигом – и по грандиозности всего предприятия, и по достоверности русской версии, и по обилию глубоких комментариев. Но есть ли этот перевод переложение китайского оригинала «стиль на стиль и тон на тон», как о том

⁸ Алексеев, 2. С. 158. Серьезную попытку следовать за учителем («Лучше всего взять писателя, крупного по значению, но оставившего небольшое количество произведений (например, Тао Цяня), и исследовать этот текст самым тщательным образом, ограждая себя на каждом шагу от неточностей и неправильностей», см. Алексеев, 2, с. 158) предпринял в свое время Л. З. Эйдлин как мало кто к этому подготовленный, но, во-первых, в его замечательной книге «Тао Юань-мин и его стихотворения» (М., 1967) наследие поэта не охвачено полностью, и, во-вторых, безупречным, действительно в каждом иероглифе обоснованным переводам стихотворений, к сожалению, не сопутствует столь же глубокое исследование, сопоставимое с образцовым, насыщенным идеями исследованием Сыкун Ту у Алексева.

мечтал Алексеев? Существует ли надежда, каковую делал Алексеев, что какие-то фрагменты или главы этого перевода войдут в русские хрестоматии изящной прозы наряду, скажем, – речь-то об историографии – с отрывками из карамзинской «Истории государства Российского», как входят именно в этом своем качестве образцовой стильной словесности отрывки из Сыма Цяня в лучшие китайские антологии? И при всем при том Р. В. Вяткин неизменно цитирует или упоминает для сравнения алексеевские переводы глав «Исторических записок», умалчивая только об одном, видимо, с точки зрения чистой науки мало существенном – об их стиле, ритме, отборе слов; уж тем более забыто, как, якобы, нереализуемое в научном переводе, предостережение Алексеева: «...Вставка в текст (скобками или курсивом) «разъяснительных», дополнительных, определительных и т.п. «речений» тоже не решение переводческой задачи, поскольку текст деформируется в переводе окончательно и в результате может получиться нечто разбавленное водой, вроде плохого соуса к плохо зажаренному мясу»⁹.

Мне случалось как редактору одного из томов перевода обсуждать эту проблему с Рудольфом Всеволодовичем; в отличие от многих, он переживал ее очень остро; обладая несомненным художественным чутьем, физически страдал от сухости русского текста, безжизненности многочисленных квадратных скобок, но, подавленный громадной трудностью китайского текста и ощущая, что жизни может не хватить (так, к великому сожалению, и случилось), делал сознательный выбор в пользу буквальной точности; *сань тань чжи и* (трижды вздохнуть – и только) – говаривал по сходным поводам вслед китайцам В. М. Алексеев.

Другой пример. Один из лучших наших знатоков языка китайской древности Л. С. Переломов, много лет занимавшийся изучением, конфуциева «Лунь юя», издал фундаментальную монографию, может быть в наибольшей степени приближающуюся по скрупулезности к «алексеевскому» идеалу. Некоторые фразы перевода сопровождаются не только всеми существующими русскими версиями, но и наиболее авторитетными переводами и толкованиями ведущих китайских специалистов (числом более десятка), а в особых случаях – японскими и корейскими вариантами. «Лунь юй» в переводе В. М. Алексеева постоянно цитируется; порой, что свидетельствует о безу-

⁹ Алексеев, 2. С. 124.

пречной научной честности ученого, отдельные алексеевские находки признаются единственно возможными и инкорпорируются в основной текст («– Ловкая речь, умелая мина...» – лучше ведь все равно не скажешь!).

Тем показательнее, кажется мне, следующий пассаж из переломовского Введения: «По мнению патриарха отечественного китаеведения академика В. М. Алексеева, перевод «Лунь юя» должен сопровождаться полным переводом комментариев Чжу Си (1130–1200), выдающегося средневекового исследователя и теоретика конфуцианства: «При подобной целостной инкорпорации комментариев Чжу Си в общий перевод... мы воспроизведем литературную и ораторскую речь ХП в., обращенную к учащимся, для которых текст классика не был столь же прост, чтобы поддаваться простому переводу его на разговорный язык того времени, но требовал одновременно аналитической и синтетической проработки вплоть до восстановления в уме ХП в. ума авторов классического текста (1X–III вв. до н.э.). Но эта работа нужна и для читателя (и учащегося) XX в., которому подобное наглядное внушение конечной простоты, заключенной в мысли оригинала, при ее предварительной и сложной обработке создаст надлежащее впечатление и внесет в дословную версию все надлежащие коррективы. В самом деле, можно ли с одного приема и с одной лишь версии передать тот самый текст, который в Китае без посредствующего звена («трамплина») на протяжении всех веков всегда был непонятен?» Но это труд, непосильный для одного человека. В. М. Алексееву удалось перевести таким образом лишь три главы «Лунь юя» из двадцати, и эти переводы были опубликованы уже посмертно».¹⁰ В этом фрагменте, в котором, как легко заметить, большая часть – цитата из В. М. Алексеева, стоит обратить внимание на несколько моментов.

Во-первых, высоко оценив аргументацию своего предшественника и не оспаривая самую идею (хотя в работе «Новый метод и стиль перевода на русский язык китайских классиков» есть, на мой взгляд, и более весомая аргументация в ее пользу), Л. С. Переломов отказывается ей следовать под предлогом непосильной для одного человека трудности предприятия. Последнее странно: объем и разнообразие

¹⁰ Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юя». Исслед., пер. с кит. коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М., «Восточная литература», 2000. С. 7.

его собственных и привлекаемых им примечаний и толкований других синологов поистине впечатляет; В. М. Алексеев перевел избранным способом только три главы (кстати сказать, всего за один год) не потому, что испугался неподъемной задачи – на рукописи имеется его собственная помета: «Оставлен за невозможностью печатать»¹¹; а уж «посмертность» публикации перевода вовсе к делу не идет.

Во-вторых, из-за столь неубедительного отвержения (хорошо бы, как Алексеев, но трудно, значит, можно по-другому) оказывается – невольно, разумеется! – затушевана одна из наиболее плодотворных идей в синологии XX в.: канонический текст и классический на него комментарий – нерасторжимое единство, только в таком качестве существующие в традиции. Алексеев, буквально пригоршнями и походя сыпавший подобными идеями, здесь, как и во многих других случаях (почти всегда, кроме Сыкун Ту!), не выговорил мысль до конца – кому охота раз за разом кричать в пустоту, – хотя и возвращался к ней неоднократно.

Так, по существу единственный его серьезный упрек диссертации Ю. К. Щуцкого об «Ицзине» лежал именно в этой плоскости: «Ваши увлечения начинаются с неудачного выбора комментаторов. Я оспариваю Ваш выбор. На этом этапе исследования надо было взять наиболее известных и знаменитых – Чэна и Чжу Си, а не тех, кто больше вам по вкусу. Так было бы гораздо объективнее... Он [Чжу Си – И. С.] единственный комментатор классиков, владевший их системой и их ею связавший!»¹²

Ранее того, отзываясь на студенческую работу другого своего ученика Л. Н. Лебедева о трактате «Чжунъюн», В. М. Алексеев еще четче сформулировал эту мысль: «...Нужно... рассматривать и изучать текст и комментарий непременно в параллели, всеми силами избегая обособленности одного от другого и стараясь понять термины текста во всей их сложности, на которую указывает Чжу Си»¹³. (Не могу не заметить в скобках, что в вышедшем сравнительно недавно томе, включающем разновременные переводы на русский язык и исследования «Чжунъюн»¹⁴, работа Л. Н. Лебедева и алексеевский на нее от-

¹¹ Алексеев, 1, с. 161.

¹² Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 378–379.

¹³ Там же. С. 348.

¹⁴ См.: Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования. Сост. А. Е. Лукьянов. М., «Восточная литература», 2003. – (Китайский классический канон в русских переводах).

звья даже не упомянуты, ни один переводчик не перевел текст *en bloc* с китайским комментарием; впрочем молодая исследовательница трактата В. Б. Югай позднее, уже в диссертации о «Чжунъюн» с серьезной основательностью говорит о великом значении классического комментария для канонических памятников, ссылаясь, правда, только на недавние западные исследования. В который раз, к сожалению, на примере Алексеева подтверждаются горькие слова: «Нет пророка в своем отечестве»!)

Вернемся к Л. С. Переломову, который, в-третьих, упустил из виду столь важную для Алексеева чисто переводческую проблему: необходимость «развести» в языковом отношении три последовательных во времени (с тысячелетними интервалами!) текстовых пласта: собственно памятник, по самому своему каноническому статусу лексически, стилистически, ритмически незаурядный, архаически лапидарный; традиционный комментарий – стильный, мощный по тону и ритму, пусть и более распространенный, но не многословный, обращенный к посвященным, внутри традиции находящимся читателям; примечания переводчика – иноязычного, инокультурного, к таковым же обращенные, по необходимости подробные, лишенные отчетливой стилиевой окраски.

Упаси Бог воспринимать все вышесказанное, как персональный упрек кому-то да и как упрек вообще: мне просто хотелось показать, с одной стороны, насущную актуальность алексеевского наследия, далеко еще не воспринятого отечественной наукой не только в полноте, но и в существенных частностях; с другой – указать на чрезвычайную трудность следования «путем Алексеева», с чем и мне самому не раз и не два пришлось столкнуться. Так что следующий сюжет будет окрашен в личные тона, неизбежное *pro domo sua*.

Тридцать с лишним лет назад на меня, тогда начинающего синолога, сильнейшее впечатление произвело все сказанное В. М. Алексеевым о разного рода изборниках, собраниях, хрестоматиях, антологиях. Мне и сегодня кажутся куда как убедительными такие, к примеру, слова ученого: «Я думаю, что иностранцу в китайской антологии делать вообще нечего, ибо, давным-давно определенная отбором древних мастеров стилиа и критиков (процесс этот начался, конечно, гораздо раньше У1 в., даты первого Сяо Тунова «Изборника» – «Вэнь сюань»), эта антология – вместе, конечно, с вариантами – полна традиционных шедевров, в которых как таковых никто и никогда не со-

мневался»¹⁵. И дальше: «Я считаю, что иностранец вообще не имеет права отбирать в антологию то, что ему нравится»¹⁶. Наконец: «Серия моих полуготовых монографий методологического порядка начинается с обширного критико-библиографического обзора «Китайские антологии художественной литературы», без которого невозможно приступить к их использованию и мне, и тем китаистам, которые будут в дальнейшем совершенствовать закладываемые мною ныне основы написания истории китайской художественной литературы в прозе и в стихах. Я прослеживаю китайские антологии в двух фазах: как научные текстовые базы историка китайской литературы... и как китайские учебные пособия, по которым учились бесчисленные поколения эрудитов, шедших на государственные экзамены в Китае и в Японии»¹⁷.

Еще более впечатляющей предстала собственная переводческая практика В. М. Алексеева, переведшего сплошным порядком несколько прозаических и одну стихотворную антологию. Таким образом, налицо была цельная научно-переводческая программа, за реализацию каковой, вдохновленный алексеевским примером, я и взялся¹⁸. Кое-что пришлось, конечно, додумывать «вослед» Алексееву, в его рассуждениях разве что брезжила мысль о значении разнообразных изборников в традиционной китайской словесности и – шире – культуре. Именно в этом, кстати сказать, видится мне одно из главнейших свойств наследия ученого: кроме отчетливо выговоренных идей в его работах – то тут, то там – мерцают намеки, брошенные вскользь замечания, которые с годами, словно бы наливаются смыслом, обретают четкость научной формулы, иными словами, продолжают свое научное бытие.

Только в 80-е – 90-е годы 20 в. в мире серьезно обратились к исследованию феномена антологий в Китае¹⁹, но даже в далеко не пол-

¹⁵ Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. М.1978. С. 139.

¹⁶ Алексеев, 1. С. 304.

¹⁷ Алексеев, 2. С. 239.

¹⁸ Сумасшедшая трудность так еще и не законченного моего предприятия по исследованию и сплошному переводу антологии Шэнь Дэ-цзяня «Мин ши бе цай» (XVII в.) ясна мне в полноте только теперь; тем отчетливее видится величие совершенного Алексеевым.

¹⁹ См., в частности, работы Poulaine Yu, A. Rickett, Б. Л. Рифтина да и мои собственные.

ностью опубликованных алексеевских соображениях содержится многое из того, к чему пришли ученые спустя полвека. А сколько размышлений на эту и близкие темы еще осталось в «заготовках», «полуфабрикатах» (алексеевские термины), беглых заметках, которые предполагалось «оживлять» по мере надобности, насыщать конкретным материалом. Даже простой перечень архивных материалов (Приложение 1 к «Трудам...») о том свидетельствует ярчайшим образом.

Не менее показательна ситуация с соотношением внешней формы и внутреннего содержания в китайской словесности. Об этом писали многие. Начиная с ранних полуинтуитивных прозрений Э. Фенолозы, то в одной, то в другой работе мелькали соображения о большей – благодаря изобразительной природе каждого знака – насыщенности смыслом иероглифического текста. Со временем стало понятно, что иероглиф вовсе не всегда (скорее, редко когда) картина, а глубина китайского текста – в трудно доступных профану аллюзиях, цитатах, намеках. Но и это не все. Оказалось, что самый тип высказывания в классической культуре (будь то словесность, живопись или каллиграфия) предполагает изначальную загадочность, многосмысленность, когда поверхностный смысловой слой считывается сравнительно легко, но глубинный (или, если угодно, «высший») смысл постигается (впрочем, и создается тоже) только исключительным душевным усилием, проникновением за внешнюю форму – словесную или пластическую.

Обо всем этом В. М. Алексеев так или иначе размышлял, еще работая над переводом Сыкун Ту, который трактовал поэзию как мистическую непостижимую духовную гармонию, как «тайну», которая не может быть выражена в словах, но может быть постигнута как вспышка интуитивного прозрения.

В XII стансе «Поэмы о поэте» (Ши пинь) читаем: «Не ставя ни одного знака, исчерпать могу дуновенье-текучесть»²⁰. В. М. Алексеев парафразирует эту строку следующим образом: «Поэт, ни единым словом того не обозначая, может целиком выразить весь живой ток своего вдохновения» – и объясняет, что настроение поэта – это нечто невыраженное, не расчлененное на элементы, не требующее «слов для своего выражения; настроение сквозит между строк. Читателю сооб-

²⁰ См. Алексеев В. М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту. Пг., 1916, с. 189.

щается и жизнь поэтического духа, и его тайные томления вне слова»²¹. Здесь же находим мы объяснение одному из важнейших терминов китайской поэтологии, связанному с идеей скрытно присутствующего смысла или красоты, – *хань сюй*, выражающему понятие «таящегося, невыраженного».²²

Позднее, в 30-е гг., подобная «мистика» сделалась попросту опасной, Алексеева и за меньшее нещадно били. Но во «французских лекциях» 1926 г. В. М. Алексеев еще упоминает о «скрытых звуках» (*ю инь*) и том самом *хань сюй*, переводя его на это раз как «хранилище невыразимого», замечая, что китайские поэтологи придают этим двум понятиям значение «сути поэзии, превосходящей само поэтическое произведение»²³.

В дальнейшем ученый, если и возвращался к этим плодотворнейшим соображениям, то бегло, не углубляя их; он словно бы оставлял памятные заметы для будущих исследователей. «Трудность китайского языка совсем не в иероглифическом оформлении, а именно в *ли хэнь шэнь* – «глубине китайской мысли» (может быть, точнее сказать: «смысл весьма глубок» – И. С.), в литературном намеке и в последовательности логической, засложненной до неузнаваемости образностью» – это из поздних второй половины 40-х гг. конспектов²⁴. Здесь – все та же, что и в «Поэме о поэте» мысль: смысл упрятан за художественной формой, «образностью»; чтобы его понять и тем более донести до читателя, необходимо озаботиться «подходами, предисловиями, послесловиями, комментариями, парафразами»²⁵, то есть всем тем научным инструментарием, который сполна был использован при исследовании стансов Сыкун Ту.

Не побоюсь сказать, что эти идеи и по сей день едва ли восприняты в синологических трудах, хотя без их глубокой разработки исследования китайской поэзии – от «Шицзина» и до конца классического периода (начало XX в.) явно теряют в убедительности.

Надеюсь, эти фрагментарные заметки, далеко не охватывающие всех материалов «Китайской литературы» – «Трудов по китайской литературе», способны еще раз подчеркнуть важность наследия В. М. Алексеева для современной науки (если кому-то покажется, что с

²¹ Там же.

²² Там же. С. 191.

²³ Алексеев 1. С. 100.

²⁴ См. Алексеев 2. С. 146.

²⁵ Там же.

этим утверждением я ломлюсь в открытую дверь, – прошу великодушно простить).

Как бы то ни было, непреходящая актуальность научного творчества Алексеева делает выход «Трудов по китайской литературе» событием в востоковедении. На поверхностный взгляд двухтомник представляет собой переиздание «Китайской литературы» (что, впрочем, тоже, как я стремился показать выше, было бы в высшей степени немаловажным делом) с немногими дополнениями. Однако, как кажется, внесенные изменения и дополнения сообщают изданию 2003-го года совершенно новое качество, хотя и не без потерь²⁶.

Посмотрим на обретения.

В первую очередь необходимо отметить целый новый раздел «Буддизм в литературе», куда включены не входившие в «Китайскую литературу» текст Ван Чэ из «Вэнь сюань» с послесловием комментатора Ли Шаня и антибуддийский доклад Хань Юя. Вместе с уже печатавшимися прежде авторефератом «Главы из истории китайского буддизма», ханьюевым «Обращением к крокодилу» и конспектом доклада о его авторе сложился весьма репрезентативный тематический блок. Жаль, конечно, что от полноценной «Главы...» сохранился только автореферат, а от текста доклада – его конспект, но восполнить эти обидные лакуны уже невозможно. Зато публикация Ван Чэ достойна восхищения – и как содержательный документ буддийской инфильтрации в китайскую культуру; и как еще один яркий образец высочайшего мастерства Алексеева–переводчика; и как тщательнейшая работа публикатора и комментатора.

Кто-то из современных писателей утверждал, что его интересует только та литература, которая непонятно как сделана. Переводы В. М. Алексеева – тот самый случай. Просто понять текст Ван Чэ – задача из труднейших; придать ему русскую форму, по существу, не поступившись ничем – ни соответствием оригиналу «слово на слово, тон на тон», ни законами русского языка – труд, выходящий за пре-

²⁶ Укажу в сноске, чтобы больше к этому не возвращаться, потерю формальную, но досадную: две книги, разумеется, менее удобны в обращении, чем одна, тем более что на корешке переплета и суперобложки номера томов не помечены. Утешает то, что «двукнижие» – явный издательский force majeure, а не чья-то злонамеренность.

дела моего понимания. Мне всегда казалось, что в этом Алексеевском умении претворить китайский текст в русский, вернее, создать некую китайско-русскую амальгаму, когда сквозь совершенно русское обличье зримо проступает китайский текст, есть что-то мистическое, запредельное по мастерству. Стела Ван Чэ – одно из лучших тому подтверждений.

Вот наугад несколько примеров из прозаической части надписи.

«Тем более понятно нам теперь, что тело закона округло ответит всему: и угол, и круг в таинственной мгле становление имеют свое»²⁷ – всякий, кто пытался переводить, знает, чего, при кажущейся простоте и именно поэтому стоит такое «округло ответит»! Или: «Он создал впервые любовь благодетельную без причин и основ и ущедрил, как влагою дождь, миллионы творений земли»²⁸.

И еще: «По склонам холмов, применяясь к подъемам, используя выси, шли к далям и далям»²⁹. С сожалением оставляю цитирование прозы и перехожу к менее яркой стихотворной части:

«Чистый источник навстречу ответил,
Брызжащий ветер всю грязь сдунул вниз.
Любовный поток превращается в море,

Прах похоти стал уже целой горой»³⁰ – следует иметь в виду, что это именно та поэзия, которая редко находит своего переводчика, являя собой, с европейской точки зрения, пример «непоэтического». Ведь, как замечал Алексеев, «выбирают обычно вещи, легко переводимые и понятные каждому: осенняя ночь, снег на берегу реки, зимний холод, пение птиц весной и т. д. Есть много замечательных произведений на подобные темы, но ясно, что наряду с такими универсальными темами можно найти и другие, которые очень дороги китайцам, но которые у того же читателя, восхищающегося китайскими стихами о пении птиц весной, вызовут только неодобрительное недоумение. А между тем именно эти произведения более всего восхищают китайского читателя, и справедливости ради европейский переводчик должен постоянно знакомить с ними европейского читателя»³¹. Должен-то должен, только решимости мало у кого достает...

²⁷ Алексеев 2. С. 101.

²⁸ Там же. С. 102.

²⁹ Там же. С. 106.

³⁰ Там же.

³¹ Алексеев 1. С. 101.

В отличие от буддийского раздела первый и ключевой отдел всего двухтомника, на первый взгляд, не получил существенного научно-приращения. Он перекомпанован и переименован. Теперь он точно именуется «Введение в китайскую литературу» и кроме двух статей (1920 и 1940 г.) включает три лекции из французской книги «Китайская литература: шесть лекций в Коллеж де Франс и Музее Гимэ» в наново выверенном переводе. Добавлены: «Программа переводов с китайского», составленная В. М. Алексеевым для издательства «Всемирная литература» в 1919 г.³²; рецензия Анри Масперо на «Шесть лекций...» и авторецензия В. М. Алексеева на ту же книгу; заметка М. В. Баньковской «От составителя».

Я не случайно назвал этот раздел ключевым для «Трудов». В совокупности опубликованные здесь материалы дают наиболее полное представление о взглядах Алексеева на главный предмет его многолетних штудий – на традиционную китайскую словесность. Тон задает статья 1920 г. и по сей день остающаяся едва ли не единственной на русском языке концептуальной работой о китайской литературе, не перечнем имен и названий, а историей идей. Мысль о взаимодействии «конфуцианского фантасма и даосской фантазии» как основной внутренней коллизии всей китайской культуры и сегодня не потеряла своей актуальности; во всяком случае, ничего равноценного по универсальности синология взамен не выдвинула.

Столь же последовательно эта мысль проводится и во французских лекциях, что отмечено во включенной в раздел содержательной рецензии на «Китайскую литературу» А. Масперо. Эта книга (история издания которой и сопутствовавшие ее появлению на свет трагические события в судьбе В. М. Алексеева, подробно изложены в блестящей сопроводительной к разделу статье М. В. Баньковской), несмотря на авторскую самокритику, остается произведением новаторским и в подходе к материалу, и в идеях, и по форме. Как писал А. Масперо, «лекции... представляют китайскую литературу совершенно новым образом. ...Он [Алексеев. – И. С.] взял китайскую литературу в ее целом...»³³ Во всяком случае, сформулированная здесь общая концепция *вэнь* как своеобразная рамочная идейная конструк-

³² За прошедшие 85 лет эта программа почти полностью осуществленная отечественными синологами, но, справедливости ради, стоит заметить, что В. М. Алексеев намеревался перевести отобранные произведения практически в одиночку и во много более сжатые сроки.

³³ Алексеев 1. С. 139.

ция неизменно присутствовала (пусть не всегда в явном виде) во всех синологических работах В. М. Алексеева.

Утратив возможность развивать теорию китайской словесности, т.е., говоря его собственными словами, изучать ее «новыми методами тех больших линий, которые этой литературе искони присущи»³⁴, В. М. Алексеев принялся по мере сил и возможностей облекать «костяк» теоретических построений «литературной плотью» («костяк и плоть» – вполне китайский, к слову сказать, образ словесного искусства). Переведенные тексты китайской традиции должны были сами продемонстрировать *de visu* верность предложенного ученым взгляда на *вэнь*. Если бы судьба дала Алексееву возможность написать историю китайской литературы, ядром ее несомненно послужили бы его работы из раздела «Введение в китайскую литературу». Вряд ли случайно, что после поистине бешеных нападков в связи с выходом французской книги, Алексеев и в позднейших статьях продолжал на нее ссылаться. Это не было пустой бравадой. Для Алексеева превыше всего стояли наука и нравственность в их нераздельности и отрекаться от того, что представлялось ему важным для синологии, ученый не считал себя в праве. (Точно так же, не имея возможности назвать по именам погибших учеников-коллег, он неизменно упоминал о сделанном ими в науке.)

Замечу, что собранные вместе еще в книге 1978 г., работы В. М. Алексеева и тогда производили сильное впечатление своей свежестью, очевидной научной актуальностью и побуждали к размышлению. В нынешнем своем виде, окруженные новыми материалами, они, пожалуй, больше свидетельствуют о времени, о личности человека, их писавшего, о превратностях и, вопреки им, неуклонности научного поиска.

Как бы на другом полюсе «Трудов» – и не только по хронологии рассматриваемых в нем проблем – находится раздел «Новый Китай есть старый + новый...», обильный интереснейшими материалами из архива ученого, включенными и в две статьи М. В. Баньковской – «От составителя» и «Выпрямляя имена». В совокупности раздел словно бы призван опровергнуть давние обвинения в незаинтересованности

³⁴ Алексеев 1. С. 149.

В. М. Алексеева в изучении современной ему китайской действительности. Это намерение кажется мне сильно запоздавшим. Может быть, сказано слишком резко, но ведь и вправду жаль усилий великого ученого, затраченных на опровержение для всех очевидной бессмыслицы; жаль энергии, времени, красноречия, употребленных М. В. Баньковской, чтобы спустя десятилетия возразить тем, кто травил ее отца. Ну, а если бы Алексеев, как его коллега А. И. Иванов или его ученик Б. А. Васильев, забросил науку и отдался бы целиком нуждам революционной деятельности в Китае? «Отмылся» бы классово чуждый академик, избег хулы? Да придумали бы за милую душу еще что-нибудь...

По-моему, верность его памяти требует сказать прямо: редкий случай, когда классовый нюх не подвел доносчиков – чуждому политике Алексееву в Китае 10-х – 20-х годов в культурном смысле все было не по нутру. На его веку почти разом ушли на дно две великие Атлантида культуры – русская и китайская, равно им любимые и равно оплаканные: русская – в тайниках души, китайская – в статьях, заметках, рецензиях.

Разумеется, острота научного зрения и выдающаяся эрудиция знатока не изменяли ученому и при взгляде на новый Китай. Тем больнее было ему видеть умирание тысячелетней традиции и торжество отменившей, но не заменившей ее пошлой повседневности. Трезвый взгляд на события оказался ох как не ко времени, а кривить душой, подлаживаться Алексеев не умел да и не хотел. Даже его покаяния – скорее попытка вразумить неразумных, несведущих, заблуждающихся. Читать все это горько: на что тратились могучие силы и великий талант... Не избавляют от этой горечи ни блеск сарказма в критическом разборе поэзии Ху Ши, ни глубина анализа его же книги о китайской философии.

Зато буквально отдыхаешь душой на статье «Пушкин в Китае» из раздела «Проблемы перевода». То же, казалось бы, не древность, но насколько органичен интерес ученого к проблеме трансляции культур, к тонкостям передачи великой поэзии на языке другой великой поэтической традиции. К бездне алексеевской премудрости добавлены невероятно скрупулезные примечания В. В. Петрова, заботливо расширенные Б. Л. Рифтиным.

Вообще весь раздел о переводе – мое любимое еще с 1978 г. чтение. Словно старых добрых знакомых встречаешь в нынешнем издании и «Китайский палиндром» и «Литературную глоссололию» –

обновленные, сверенные в деталях и частностях. Разве что «Новый метод и стиль переводов на русский язык китайских классиков» выглядит одиноким в отрыве от «практической составляющей» – перевода «Лунъюя», каковому, кстати сказать, тоже не помешало бы былое соседство с теоретическим своим обоснованием.

С занудным педантизмом рискну продолжить рассуждать о составе разделов и предположу, что «Греческому логосу и китайскому дао» место, скорее, среди «Сравнительных этюдов», а Су Сюню с его «Трактатами о шести основных (классических) книгах» – в разделе конфуцианской классики.

Насколько тяжелой была судьба прижизненных издательских намерений В. М. Алексева, настолько теперь, особенно когда словно бы растворились во мгле десятилетий трудности первых посмертных публикаций, путь его наследия от архива к читателю видится безоблачно счастливым. Это, разумеется, не так. Препон и рогаток хватало. Но в одном посмертных книг В. М. Алексева бесспорно повезло: их составляли, оснащали научным аппаратом – предисловиями, послесловиями, комментариями, указателями – люди пристрастные, щедро тратившие свое время, силы и знания на то, чтобы приблизить издания к задуманному самим ученым идеалу. И в самом деле, оборудован двухтомник фундаментально: всевозможные иероглифические указатели, обилие справочных библиографий, среди которых тематическая подборка архивных материалов; список алексеевских переводов с отсылками к соответствующим изданиям; наконец, перечень упоминаемых В. М. Алексевым книг – выверенный, что называется, до последней буквы.

С удовольствием добавлю несколько слов к уже сказанному выше о важности для «Трудов» заметок «От составителя», принадлежащих блестящему перу М. В. Баньковской. Эти заметки, вполне выдерживающие соседство с ярким стилем и глубиной алексеевской мысли, вводят в оборот множество ценнейших свидетельств В. М. Алексева о своей работе, времени, коллегах – из писем, дневниковых записей, маргиналий.

Не столь, может быть, заметен труд ответственного редактора, член-корреспондента РАН Б. Л. Рифтина, но приметы вполне буквально понятой маститым ученым своей ответственности и в точных

примечаниях, дополнивших прежние – В. В. Петрова и Л. Н. Меньшикова, и в общей, с позволения сказать, достоверной атмосфере всего издания, когда можно не сомневаться: самонаименованный факт проверен и перепроверен. А ведь на такую проверку порой уходят недели! Чего, скажем, стоило редактору недлинное примечание о безвестных китайских литераторах 20-х гг. из группы «Бродячая собака». Как выяснил Б. Л. Рифтин после долгих поисков этой самой «Собаки», В. М. Алексеев для себя в шутку переименовал китайское название группы «Бешеный вихрь» в память о знаменитом петербургском кабаре и по иероглифической ассоциации. И подобных находок в новом издании десятки.

Свидетельствует ли сказанное, что «Труды по китайской литературе» вовсе лишены огрехов? Отнюдь нет. Они малозначимы в сравнении с весомостью всего издания, но не сказать о них – значит, нарушить заповеданные В. М. Алексеевым принципы научной этики.

Еще в «Поэме о поэте» 1916 г. встречается мимолетное утверждение, что стихи Сыкун Ту включены в известную антологию «Тысяча поэтов» (Цянь цзя ши). Перекочевало оно и на страницы нынешнего издания, попав уже в более серьезный контекст «Авторцензии»: «...когда... мне в 1916 г., на защите диссертации («Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту»), намекали на то, что я якобы создал или создаю моду на не известного никому маленького поэта, то мне легко было это парировать, сославшись на первую попавшуюся хрестоматию («Цянь цзя ши» – «Тысяча поэтов»), архиизвестную каждому китайцу и каждому китаисту»³⁵. Между тем, ни в одном из доступных изданий этого сборника, а за последние десятилетия их было несколько и в КНР, и на Тайване, стихотворений Сыкун Ту нет. Кажется, это как раз тот случай, когда насущно необходимо ответственное слово ответственного редактора.

Одним из существенных приобретений двухтомника бесспорно является публикация давнего алексеевского перевода «Тайн живописи» Ван Вэя. Это еще один пример блистательного мастерства Алексеева-переводчика и весомое содержательное приложение к трактату Хуан Юэ «Фазы живописца» из трилогии о поэте, художнике и каллиграфе. В нынешнем издании есть и новация: редактор, сославшись на современного китайского искусствоведа Юй Ань-лани, разделил текст Ван Вэя (и, соответственно, перевод) на две части, приписав,

³⁵ Алексеев 1. С. 150.

следом за китайским ученым, вторую часть другому автору – художнику Х в. Цзин Хао. Однако, учитывая то обстоятельство, что в авторитетных собраниях сочинений Ван Вэя трактат и по сей день публикуется как целиком ему принадлежащий, стоило, вероятно, ограничившись сноской на работу Юй Ань-ляня, сохранить целостность перевода и привычную Алексееву атрибуцию трактата. Или, возможно, следовало бы усилить аргументацию в пользу избранного способа публикации «Тайн живописи».

Огромную трудность представляет определение авторства стихотворных примеров, использованных в статье «Темы танской поэзии». Как правило, Алексей цитирует отдельные строки или даже их фрагменты. Иное дело, когда стихотворение да еще хрестоматийное приведено полностью в точнейшем подстрочнике да еще снабжено обширным редакторским комментарием³⁶ и – ко всему – имеется в нескольких русских версиях: собственной алексеевской³⁷, Ю. Щуцкого³⁸ и Л. Эйдлина³⁹. Тут уж поневоле захочется атрибуции и ссылки: Ло Бинь-ван (ум. 684) «Провожая на реке Ишуй».

От издания 1978 г. унаследованы попавшие туда из не подготовленной к печати рукописи Алексеева разночтения в переводе термина *гу ти ши* – то «старинного типа стихи», то «стихи древнего склада». В названиях соседних разделов одной антологии это выглядит несколько странно.⁴⁰

Попадают и вовсе мелочи. Дав по современному словарю сноску к нечасто употребляющемуся для обозначения поэзии термину *лицюй*, редактор оставил без пояснений соседнее с ним и вовсе не очевидное обозначение для горных пейзажей *линьхо* – что-то вроде «леса и пади»⁴¹.

Серия палиндромов Ли Яна, как явствует из приведенных иероглифов и их транскрипции, называется не просто «Весенние мело-

³⁶ Алексей 1. С. 268 (сноска *9).

³⁷ См. Алексей 2. С. 423; Постоянство пути. Избранные танские стихотворения. В переводах В. М. Алексева. СПб., 2003. С. 130.

³⁸ См.: Дальнее эхо. Антология китайской лирики (УП–IX вв.). В переводах Ю. К. Щуцкого. СПб. 2000. С. 112.

³⁹ См.: Китайская классическая поэзия в переводах Л. Эйдлина. М., 1984. С. 306.

⁴⁰ Алексей 1. С. 304 и 334.

⁴¹ Алексей 2. С. 28.

дии», а что-нибудь вроде «Возвратные словеса весенних мелодий»⁴², где «возвратные словеса» собственно и есть китайский термин для палиндрома.

Наконец, чтобы покончить с мало увлекательной ловлей блох, следует сказать о самом, может быть, серьезном, на мой взгляд, недостатке нового двухтомника. Говоря словами «прямыми и честными», речь идет о произвольном вторжении редактора (на этот раз не ответственного – издательского) в авторский текст, кажется, нигде даже толком не оговоренном и как будто не принятом в научной текстологии. Не очень понятно, чего в этом произволе больше: неверия в читателя или сомнения в грамотности В. М. Алексеева. По правде сказать, от иных поправок приходишь в полное изумление. Пишет, к примеру, бедный академик в переводе из Цзин Хао: «Весной: туман – замок, а дымка – что накров», – а редактор недогнувшей рукой вставляет следом за «накровом» в квадратных скобках «покрывало»⁴³. (Ну как бы Вы отнеслись к такому, скажем, облику известной строки Пушкина из «Евгения Онегина»: «Встает купец, идет разносчик, на биржу [на стоянку наемных экипажей] тянется извозчик»?!)

Или: с детства начитанный в священных текстах В. М. Алексеев, говоря о даосском идеале, использует широко распространенный оборот: «Так учит Лао-цзы о вечном андрогине», – но редактор имеет свое мнение о синтаксисе и после «так учит» вставляет [«таково учение»]⁴⁴. Остается только гадать, почему Христос может «учить о вечной жизни», а Лао-цзы о единстве *инь* и *ян* – нет?

Совсем уж убогого читателя предполагают разъяснение эпитета «распространенный» как «пространный, обширный», глагола «осложнить» как «усилить», замена выражения «придет к выводу» на «приведет к выводу» (кстати, на соседней странице не исправлена явная и существенная описка: в классическом образовании «исторически сложившаяся китайская литература», разумеется, не «производилась непрерывно», а «вос-производилась», т.е. каждый следующий ученик изучал ее с самого начала и во всей полноте, как нерасторжимое единство), вставка предлога «к» в оборот «требовать себе уважения», уточнение «специфических элементов танских муз» словом «мотивы» и т. д. и т. п. едва ли не на каждой второй странице.

⁴² Там же. С. 203.

⁴³ Там же. С. 53.

⁴⁴ Там же. С. 35.

Да помилуйте! Знал В. М. Алексеев русский язык, знал, как мало кто из современников, про нас, нынешних и говорить нечего. Только терпеть не мог его «общехрестоматийный уклад» – ни в переводах, ни в статьях, и навязывать ему посмертно невесть откуда взявшуюся языковую норму, право, не стоило бы.

Повторяю, работа, в том числе и редакторская, проделана громадная, тщательная, заслуживающая наивысшей похвалы, и своими замечаниями я вовсе не стремлюсь ее хоть сколько-то умалить.

* * * * *

Два тома «Трудов по китайской литературе», уверен, будут по достоинству оценены научным сообществом. Завидую начинающим синологам, чье профессиональное обучение начнется с живой алексеевской проповеди знания, человеческой порядочности, научного вдохновения, энтузиазма, трудолюбия. С «воспитания души», одним словом.

- 81 Аспекты компаративистики. 1 / Под ред. А. В. Дыбо, Г. С. Старостина. - М.: Изд-во РГГУ, 2005. - 502 с. (Orientalia et Classica. VI)
ISBN 5-7281-0660-9

«Аспекты компаративистики» - сборник исследований в области сравнительного языкознания, отныне – периодическое издание Центра компаративистики Института восточных культур и античности РГГУ. Первый выпуск подготовлен специально к 50-летию руководителя Центра С. А. Старостина и посвящен насущным проблемам всех тех научных направлений, в которых проявил себя юбиляр, начиная от дальнего языкового родства, индоевропеистики и вплоть до компьютерной лингвистики и синологии.

Aspects of comparative linguistics. 1 / Ed. by A. Dybo, G. Starostin. - Moscow: RSUH Publ., 2005. - 504 pp. (Orientalia et Classica. VI)
ISBN 5-7281-0660-9

«Aspects of comparative linguistics» is a collection of papers on diachronical linguistics, periodically published from now on by the Centre of Comparative Linguistics of the Institute of Oriental and Classical Studies of RSUH. The first issue has been prepared specially for the 50th anniversary of the Head of the Centre, Prof. S. A. Starostin, and is dedicated to problems actual for those fields of research which constitute S. A. Starostin's main specialities, such as long distance genetic relationship, Indo-European studies, computer methods in linguistics, and Sinology.